

УДК 811:81-25

**ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ НЕКРОВНОГО РОДСТВА
В ТЕЛЕУТСКОМ, КИРГИЗСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Л. А. Араева^{1, @1, *}, Л. С. Калентьева^{1, @2, *}, В. С. Кузнецова^{1, @3, *}, М. Дж. Тагаев^{2, @4, *}

¹ Кемеровский государственный университет

² Кыргызско-Российский Славянский университет (г. Бишкек, Кыргызстан)

@1 *araeva@lisn.ru*

@2 *lavagrez@gmail.com*

@3 *free-thinker1@mail.ru*

@4 *mamed_tagaev@list.ru*

* *Исследование поддержано грантом РГНФ, проект № 14-04-00556*

Аннотация: В статье представлены системы терминов некровного родства в телеутском, киргизском и китайском языках. Каждая из систем наряду с общими пропозициональными структурами имеют свои пропозиции (оязыковленные суждения, реализованные в границах ПС), проявляющие национальные особенности языковой картины мира, обусловленные сложившимися культурными традициями. Сохранению терминов некровного родства в долговременной памяти бесписьменного народа способствует их социальная значимость и пропозиционально-деривационная связанность в пределах синонимии, многозначности, гнезда однокоренных слов.

Ключевые слова: термины некровного родства, пропозиция, пропозициональная структура, языковая картина мира, многозначность, словообразовательно-пропозициональная синонимия, гнездо однокоренных слов.

For citation: Араева Л. А., Калентьева Л. С., Кузнецова В. С., Тагаев М. Дж. Пропозициональная организация терминов некровного родства в телеутском, киргизском и китайском языках // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 79 – 86.

Телеуты являются коренным малочисленным народом Севера. На данный момент их численность в Российской Федерации около 3000 человек, в Сибири проживает порядка 2500 человек. С киргизами телеутов объединяет отнесение их к одной языковой ветви и группе. В прошлом телеуты достаточно тесно контактировали с енисейскими киргизами. Взаимодействие телеутов происходило и с маньчжурами, которые говорят в основном на китайском.

Взаимодействие телеутов с китайцами и киргизами происходило на протяжении достаточно долгого времени, что обусловило в определенной мере некоторое сходство в их семейном укладе. У телеутов, киргизов и китайцев до настоящего времени сохранилось почтительное отношение к людям, старшим по возрасту, что проявляется в семейных традициях этих народов и, соответственно, в терминах родства.

Изучение именованных родственников разных народов представляет лингвокультурологическую ценность, так как семья с древних времен является одной из ключевых составляющих общества; особенности ее организации раскрывают специфику мировидения, традиции народа, языковую картину мира, являющуюся основой повседневного бытового общения. Не случайно изучению родственных связей разных народов посвящено значительное число исследований, как отечественных, так и зарубежных. Назовем только некоторые из них [1; 10 – 12; 14; 18 – 20; 24; 31].

Мы ставим перед собой цель: выявить с использованием пропозиционально-фреймового анализа общее и различное в терминологии родства описываемых языков, а также определить языковые факторы, способствующие сохранению в долговременной памяти терминов родства, в нашем случае – некровного.

Составляя часть языковой системы, термины родства ассоциативно связаны между собой отношениями синонимии, полисемии, деривационными связями в пределах гнезда и т. п. Значения слов соотносятся с определенным комплексом знаний, представленных в виде фреймов, стереотипных ситуаций, позволяющих человеку свободно ориентироваться в окружающем мире, познавать его, передавать информацию [16; 15; 17; 29; 30 и др.]. Фрейм рассматривается нами как пропозиционально организованный фрагмент языковой картины мира. Конкретные стереотипные ситуации (пропозиции) реализуются в пределах пропозициональных структур знаний (ПС), направляющих мысль человека в реализации в языке смыслов в лексических единицах. То есть в основе смысловой структуры слова находятся глубинные структуры знаний – ПС. В рамках Кемеровской дериватологической школы данные структуры рассматриваются как наиболее абстрактные суждения с предикативно связанными актантами, указывающими на место, время, средство, цель, объект действия субъекта; результат по средству, месту, субъекту изготовления; субъект, имеющий отношение к другому субъекту, место по объекту назначения, времени использования и т. п. Данные структуры знания, свидетельствующие о дискурсивном характере ментальной деятельности человека, являются общими для представителей современной цивилизации. О том, что на самом абстрактном уровне все языки устроены одинаково, писал В. фон Гумбольдт: «Формы нескольких языков могут совпасть в какой-то еще более общей форме, и к одной форме восходят, по существу, формы всех языков, если только идет речь о самых общих чертах, о связях и отношениях представлений, необходимых для обозначения понятий и для построения речи <...>. В языке таким

чудесным образом сочетается индивидуальное с всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком» [9, с. 74]. Единые для человечества абстрактные структуры (ПС) достаточно своеобразно в виде оязыковленных суждений (пропозиций) реализуются в каждом конкретном языке, формируя особенности его внутренней формы, обусловленной сложившимися традициями, культурой, повседневной жизнью народа, его историей, климатом, наличием либо отсутствием государственных границ, взаимодействием с другими народами.

В данной статье описывается системная организация терминов некровного родства в телеутском, киргизском и китайском языках. Термины некровного родства иначе называются терминами свойственного родства, возникающими в результате брачных отношений и противостоящих кровному родству. «Между ними, однако, существует теснейшая связь. Свойственное родство образуется вследствие сближения прежде не родственных лиц через брак. Вместе с тем в основе каждого кровного родства лежит свойственное родство, а именно сближение не родственных кровно родителей» [24, с. 88].

Исследование терминов некровного родства проводится с применением метода компонентного анализа и метода пропозиционно-фреймового анализа. Метод компонентного анализа, введенный для описания семантической структуры слова в рамках традиционной лингвистики, по своей сути является предтечей пропозиционно-фреймового метода с той лишь разницей, что в последнем случае отмечаются синтаксические связи сем, составляющих значение слова. То есть пропозиционно-фреймовая методика не просто выделяет семантические составляющие слова, а связывает их в рамках суждения.

Анализ кровного родства телеутского народа представлен в: [5; 4; 3; 21]. Источником материала исследования послужили словари телеутского, киргизского и китайского языков [11; 19; 21; 22; 24; 32; 33], а также материалы экспедиций 2013 – 2015 гг. в места проживания телеутов: с. Беково, с. Улус, с. Телеуты Беловского района, с. Шанда Гурьевского района Кемеровской области. Термины некровного родства в киргизском языке, помимо указанных источников, представлены и проанализированы профессором Кыргызско-Российского славянского университета (Бишкек) Мамедом Джакыповичем Тагаевым, носителем данного языка, известным исследователем языкового сознания киргизов [22]. Консультантом по телеутскому языку выступил доцент НИ ТПУ Денис Михайлович Токмашев, для которого телеутский язык является родным (один из авторов учебника по телеутскому языку). Интерпретацию китайских терминов родства уточнила ассистент кафедры стилистики и риторики КемГУ, преподаватель китайского языка Фатима Эйвазовна Абдуллаева.

Под «некровным» родством мы понимаем родственные связи индивидуумов во вновь образовавшихся семьях, которые ранее не имели общего предка, первопредка, «общей крови».

В статье рассматриваются термины некровного родства, обозначающие родство на стадии становле-

ния брачных отношений (*невеста/жених*), узаконенных брачных отношений (*муж/жена*), а также приобретенных через брак родственных связей (*невестка/зять; свёкр/свекровь; тесть/тёща; брат/сестра жены; брат/сестра мужа; сват/сватья*).

В телеутском языке для наименования жениха и невесты используется общий термин – *Қолту* [5]. *Қолту* "жених – невеста" (понятие, уточняемое в контексте). То есть слово является многозначным, лексико-семантические варианты которого разнятся по гендерному показателю [6]. В киргизском – жених называется по возрасту *күйөө бала* 'юноша-муж' или по функции, выраженной в пропозиции *кыз көрүп жүргөн жигит* 'джигит, высматривающий себе невесту', а невеста – *колукту* 'невеста или молодая жена (в зависимости от ситуации, то есть слово также является многозначным: в одном случае оно означает невесту, а в другом – жену, которая недавно вышла замуж)'. Ср. в пропозиции: *бойго жеткен кыз* 'девушка, достигшая брачного возраста'. В данном случае реализована словообразовательно-пропозициональная синонимия, проявляющая видение субъекта (жениха или невесты) в разных аспектах. О словообразовательно-пропозициональной синонимии см. [2].

У китайцев термины, обозначающие жениха и невесту, различаются по последней морфеме-основе, указывающей на пол вступающего в брак, с сохранением единого префикса: *未婚 夫 weihun fu* (*夫 fu* – муж) и *未婚 妻 weihun qi* (*妻 qi* – жена). Морфему *未婚 weihun* на русский язык можно перевести как «еще неженатый/незамужняя» (*未 wei* – «не»; *婚 hun* – «брак/женитьба»). Жених и невеста в языковой картине мира телеутов, киргизов и китайцев – это юноша и девушка, которые еще не прошли официальную церемонию бракосочетания.

Жених и невеста с момента регистрации брака у телеутов считаются мужем и женой: *эрим* "мой муж", *қаатым* "моя жена". Следует отметить, что у телеутов распространен описательный способ называния родственников, как у кетов: [10]. Жена также называется *абақай* (*аба* – в значении мать + *қай* – кто, которая), *қолту қолтукташ* со значением "взять друг друга под руки", *үйдеге* (*үй*, как отмечает Севортьян, вероятно, схоже с выражением "муж и жена – два тела, одна душа").

У киргизов после *нике*, то есть после обряда бракосочетания, мужчину называют *жаңы күйөө* 'новый (только что женившийся) муж' или *жаңы үйлөнгөн* (новобрачный). В первом случае только что женившийся мужчину называют по возрасту, во втором – по недавно совершившемуся обряду (словообразовательно-пропозициональная синонимия). Женщину называют *жаңы келин* 'молодуха, невестка', по возрасту и по приобретенному семейному положению (пропозиционально организованная многозначность).

В Китае после заключения брачного союза жених и невеста приобретают статус новобрачных. «Новобрачный» по-китайски будет *新郎 xin lang*, «новобрачная» – *新娘 xin niang*. Здесь, как и при именовании жениха и невесты, наблюдается сохранение единого префикса *新 xin*, имеющего значение «новый». Основа слова «новобрачный» имеет следующие зна-

чения: «мужчина», обращение жены к мужу «мой дорогой», устар.: «телохранитель» [19], а «новобрачная» – «мать», «королева», «императрица», «богиня» [19]. Если рассматривать основы в первом значении, то при их соединении с префиксом 新 *xin* («новый») получается: «новый мужчина» и «новая мать». Таким образом, у носителей китайского языка наблюдается отношение к браку как к распределению социальных ролей: создание семьи является переломным моментом в жизни брачующихся – молодой человек становится мужчиной, телохранителем, а девушка – матерью. Дополнительные значения из словаря раскрывают особенности мировидения китайцев, представления о предназначении новобрачных («телохранитель» – «королева»).

Таким образом, во всех анализируемых языках жена ассоциируется с материнством. В киргизском и китайском языках при именовании молодоженов есть морфема, указывающая на то, что это новый муж или новая жена, т. е. супруги, недавно вступившие в брак (ср. в этом плане у русских – молодожены), а в телеутском присутствует морфема *ым/им*, указывающая на то, что это мой муж, моя жена. В китайском муж выполняет роль телохранителя, дорогого, уважаемого женой человека. А для мужчины жена – богиня. У телеутов молодожены воспринимаются как люди, которые должны идти за руки по жизни, составляя единое целое. В Киргизии уделяется особое внимание не только понятию «женатый», но и тому, что этот человек имеет жену и детей – *бала-чакалуу*.

В телеутском языке отмечены такие понятия, как *қолтулу*, *эрлү*, *эштү* – замужняя. И *эштү*, *қолтулу*, *кижилү* – женатый человек и замужняя женщина, которые имеют *қайнада* – свекра, тестя и *қайне* – свекровь, тещу [5].

Занимая иную позицию в видении мира, киргизы несколько иначе представляют отношения кровного и некровного родства. Кровными считаются только родственники по линии мужа. Архетипы родового сознания киргизов достаточно четко проводят границы между родственниками, распределяя их между членами оппозиции «свой – чужой»: 1) «кровное родство по линии мужа» (они считаются своими, принадлежащими одному роду); 2) родство по отношению к кровным родственникам мужа или жены. Причем существует слово *кайын*, которым муж может называть совокупное множество родственников жены, и, наоборот, жена называет совокупное множество родственников мужа. Слово *кайын*, обозначая ту или другую совокупность родственников, мотивирует целый ряд дериватов с уточняющим значением некровного родства. Ср.: *кайын + ата (ата – отец) = кайната* ‘тесть и свекор’; *кайын + эне (эне – мать) = кайнене* ‘теща и свекровь’; *кайын + уни (уни – младший брат) = кайни* ‘младший брат жены по отношению к мужу’; *кайын + ага (ага – старший брат) = кайнага* ‘старший брат жены по отношению к мужу’; *кайын + сиңди (сиңди – младшая сестра по отношению к старшей сестре) = кайын сиңди* ‘младшая сестра жены по отношению к мужу’.

В телеутском и киргизском языках таким образом именованию свекра и тестя представлены одной многозначной лексемой, равно как и названия тещи и

тестя. Значимым является, чьими родителями являются во вновь образуемых семьях новые родственники (невестки или сына; дочери или зятя).

Что же касается детей, то их отношения к родственникам по материнской линии (некровное родство) в киргизском определяется через слово *тай*, которое, обозначая совокупность родственников по материнской линии, присоединяется к названиям родственников, образуя в пределах одного гнезда дериваты со значением того или иного родства по отношению к детям: *тай + ата (ата – отец) = таята* ‘дед по материнской линии’; *тай + эне (эне – мать) = таене* ‘бабушка по материнской линии’; *тай + эже (эже – старшая сестра) = таеже* ‘тетя по материнской линии’; *тай + жеңе (жеңе – жена старшего брата) = тайжеңе* ‘жена дяди по материнской линии’.

Отношения между родственниками кровного и некровного родства по линии «свой – чужой» подчеркиваются стереотипами сознания, отраженными в поверьях и поговорках. Например, *жаман тайын тааныбайт* ‘дурной не признает родства по материнской линии’; *тайы жаман* ‘с плохими задатками (якобы унаследованными от родственников от материнской линии)’.

В китайском языке наименования свекра и тестя, а также свекрови и тещи не одинаковы – для каждого из перечисленных родственников есть свой термин. Так, свёкор – 公公 *gong gong* («господин»), свекровь – 婆婆 *po po* (мать мужа/старуха), тесть – 岳父 *уе фу* (родитель жены + отец), теща – 岳母 *уе му* (родитель жены + мать). Внутренняя форма слова позволяет увидеть, что вкладывают китайцы в отношения с родителями супруга/супруги. Так, для жены отец мужа остается человеком, глубокоуважаемым («господин»), а вот к матери мужа существует некая неприязнь, что подтверждается и сложившимися традициями в Китае [12]. Следует отметить, что отношения невестки и свекрови у русских, тулеутов, киргизов и китайцев в целом носят неприязненный характер. В современном обществе отношения между свекровью и невесткой меняются существенным образом, однако наименование свекрови создано в те времена, когда семейные связи отличались от современных. Особенно это характерно для Китая, где невестка полностью была в зависимости от родителей мужа, и прежде всего – от свекрови. В телеутском языке до настоящего времени «в глаза свекровь называют *эне* (мама). За глаза *кайнем* (моя свекровка)» [5].

Телеуты сватью называют *Кудагай*, а свата – *Куда*. Есть одинаковое с киргизским название для сватов – *Кудалар*. В киргизском сватья – *Кудагый*, сват, как и в телеутском, – *Куда*. В бытовой речи телеуты и киргизы обращаются к сватам без имени, употребляя термины, означающие свата и сватью.

Киргизы в отношении родителей жены и/или родни жены используют общий термин *төркүн*. Жена, часто посещающая дом родителей, – *төркүлө*, *төркүнсөөк* (о замужней женщине, склонной часто посещать родителей), *төркүнчүл* (о замужней женщине, страдающей излишней привязанностью к своим родителям, о той, которая думает не о своем с мужем доме, а о своей родне. *Неодобрительное*). Ср.:

төркүнү жакындын төшөгү жыйылбайт (у женщины, которая близка к своим родителям, дома беспорядок); *жаман инек музоочул, жаман катын төркүнчүл* (дурная корова склонна [тянется] к теленку, дурная жена склонна [тянется] к своей родне).

В китайском языке для обозначения свата, отца одного из супругов по отношению к родителям другого супруга используется термин *亲家 qinjia* (родной + семья/дом), для обозначения сватки к слову сват добавляется морфема со значением женского рода/матери, *母 mi*, получается *亲家母 qinjiamu*.

Со стороны родителей мужа в телеутском жену сына именуют *келдым, келди* – сноха, а со стороны жены зять – *күйү*. Реализацию данной структуры можно подтвердить и на примере киргизского языка: зять – *күйөө*, сноха – *келин*. И китайского, где сноха именуется *儿媳 erxi* (儿 – сын + 媳 – жена).

Рассмотрим реализацию терминов брата и сестры супругов. В телеутском языке брат жены *жүрчүм*, а сестра супруги – *пасым*, жена обращается к старшему брату мужа – *кайнам*. В славянских языках также существовали термины, обозначающие брата и сестры отца. Ср.: *стрый* (брат отца), *стрыя* (сестра отца). Правда, без указания на старшинство. Существовали и отдельные термины, означавшие дядю по матери – *Уй*, тетю по матери – *Уйка, вуйка*, а также сына матери брата – *Уец* [14].

В киргизской семье с древних времен неотъемлемой частью семейной иерархии было четкое разграничение братьев и сестер по степени старшинства. В киргизском языке брат мужа обозначается дериватом *кайнага* (старший брат) или *кайни* (младший брат), а золовка – *кайын сиңди* (младшая золовка), *кайнеже* (старшая золовка). Родственники со стороны жены именуются также как *кайнага* (старший шури́н) или *кайни* (младший шури́н), свояченица – *балдыз* (младшая), *кайнеже* (старшая), свояк или муж сестры жены – *бажа*.

Такая же ситуация и в китайском языке. Китаец, говоря о брате или сестре, не может не указывать на положение, занимаемое братом или сестрой в семье. Такой порядок наименования относится не только к кровнородственным братьям и сестрам, но и к некровным. Так, деверь (брат мужа) в китайском языке имеет два разных термина, один из них обозначает старшего брата мужа *大伯子 dabai zi* (большой + старший брат отца + сын) и младшего брата *小叔子 xiaoshu zi* (маленький + деверь + сын). Золовка или сестра мужа (старшая и младшая соответственно) – *大姑子 dagu zi* (большой + золовка + сын), *小姑子 xiaogu zi* (маленький + золовка + сын); аналогично: шури́н «брат жены» *大舅子 dajiu zi* (большой + шури́н), *小舅子 xiaojiu zi* (маленький + шури́н); свояченица «сестра жены» – *大姨子 dayi zi* (большой + свояченица), *小姨子 xiaoyizi* (маленький + свояченица). Для указания старшинства используются иероглифы со значениями 'большой' и 'маленький' (大 da, 小 xiao), а не 'старший' и 'младший'; возможно, это связано с особой значимостью иерархической системы, где старший человек имеет больше власти.

М. В. Крюков отмечает, что «в системе родства китайцев на всем протяжении ее истории старшие родственники младшего поколения никогда терминологически не объединялись с младшими родственниками старшего поколения» [12, с. 248], что свидетельствует, утверждает автор, о том, что «критерий поколения является решающим, фундаментальным» [12]. Данная закономерность наблюдается в телеутском и киргизском языках.

Немаловажной частью семейной организации являются также супруги близких родственников.

У телеутов жёны братьев разграничиваются по старшинству: так *жеңе* – жена старшего брата, *келин, келди* – младшего. *Жесте* – муж сестры (как родной, так и двоюродной). *Кайнага* – так жена обращается к старшему брату мужа. *Қарындаш* – супруг именуется так младшего брата жены или младшего брата мужа.

Ввиду разграничения старшинства в китайской семье для обозначения мужа сестры и жены брата используются разные термины: *姐夫 jiefu* – муж старшей сестры (старшая сестра + муж), *妹夫 meifu* – муж младшей сестры (младшая сестра + муж), *嫂子 saozǐ* – жена старшего брата (жена старшего брата + сын), *弟媳 dixi* – жена младшего брата (младший брат + невестка/жена). Для наименования супругов детей используются следующие термины: *女婿 nvxu* – муж дочери (дочь + зять) и *儿媳 erxi* – жена сына (сын + невестка/жена).

Также в китайском языке есть специальный термин для обозначения жен братьев по отношению друг к другу – *妯娌 zhouli* (невестка + пара) и мужей сестер по отношению друг к другу – *连襟 lianjin* (соединять + свояк).

Таким образом, во всех анализируемых языках существует почитание старших, особенно со стороны мужа. Все термины некровного родства, равно как и кровного, реализованы в пределах пропозициональной структуры, выражающей предикативную связанность субъектов. Как показывает анализ работ, посвященных исследованию родственных отношений в различных языках, значимой для человека является система связей субъектов. То есть пропозициональная структура «субъект – предикат – субъект» в рассматриваемой группе терминов характерна для представителей самых различных наций и народностей. Следует отметить, что данная ПС может быть полипропозициональной, в которой наряду с предикативной связанностью субъектов могут указываться характерные свойства субъекта. Например: П «муж младшей сестры» реализуется в пределах ПС «субъект по отношению к другому субъекту, характеризующемуся по возрасту».

Термины в каждом из языков оказываются системно связанными в пределах гнезда однокоренных слов. Некоторые термины, что характерно для телеутского и киргизского языков, оказываются многозначными. Системные связи в языке поддерживают ассоциативную память людей, говорящих на том или ином языке, что удерживает их в языковом сознании такой народности, как телеуты, которые не имеют собственной государственной территории, употребляют телеутский язык только в бытовом общении (что

не так давно было и у киргизов). Тем не менее телеутский язык сохраняется, чему немало способствует ассоциативно-дискурсивное мышление, проявляющееся в языке через системную связанность слов в пределах таких метаязыковых единиц, как гнездо однокоренных слов, многозначность, а также словообразовательно-пропозициональная синонимия.

В каждом из языков складывается своя система родственных терминов, обусловленная сложившимися традициями, характерными для конкретного народа. И даже если язык является бесписьменным, используется только в быту, а в остальных случаях люди общаются на другом языке, то есть являются билингвами (как, в частности, телеуты), термины род-

ства, в силу их мотивационно-деривационной организации и социальной значимости, сохраняются в языковом сознании малочисленных народов. Таким образом, мотивационно-деривационные связи, о которых пишет Н. Д. Голев [7; 8], значимы не только для носителей русского языка.

Коллектив авторов, подготовивших данную статью, желает Николаю Даниловичу Голеву долгих лет жизни, подобной долголетию арчи (можжевельник), высот в науке как гора Хан-Тенир. С нежными чувствами, как белый прозрачный снег Ала-Тоо, желаем прожить с нашей сестрой Натальей долгую и счастливую жизнь.

Литература

1. Аксаков К. С. О древнем быте славян вообще и русских в особенности на основании обычаев, преданий, поверий и песен. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1861. С. 317 – 320.
2. Араева Л. А. Одна из самых загадочных сфер языка (к вопросу о словообразовательно-пропозициональной синонимии) // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина. Москва-Саратов, 2015. С. 154 – 164.
3. Араева Л. А., Калентьева Л. С., Кузнецова В. С. Пропозициональное моделирование иерархически организованных терминов кровного родства в телеутском, киргизском, китайских языках // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сборник научных статей. Вып. 3 / отв. ред. У. М. Трофимова; Алтайск. гос. акад. образ. им. В. М. Шукшина. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014. С. 79 – 83.
4. Араева Л. А., Кузнецова В. С. Языковая картина мира телеутов (на материале фрейма «родственные связи») // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: Сб. науч. ст. по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17 – 18 окт. 2014 г.). Кемерово: Практика, 2014. С. 430 – 434.
5. Араева Л. А., Тарасова М. Н. Родственные связи у телеутов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. Вып. 3(24). С. 184 – 193.
6. Булгакова О. А. Особенности многозначного слова в телеутском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4. Т. 4. С. 52 – 55.
7. Голев Н. Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1988. С. 65 – 84.
8. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 252 с.
9. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397с.
10. Дульзон А. П. Термины родства и свойств енисейских кетов // Советская этнография. 1959. № 6. С. 96 – 97.
11. Касымалиев Б. Ж. Язык и символика национальных традиций // Кыргызско-русский тематический словарь обычаев и традиций кыргызского народа. Бишкек: Турар, 2009. 226 с.
12. Крюков М. В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М.: Наука, 1972. 328 с.
13. Кыргыз тилинин сөздүгү. – Бишкек: AVRASYA PRESS, 2010. Т. 1 – 2 (Кыргыз Республикасынын улуттук илимдер академиясы, Ч. Айтматов атындагы тили жана адабият институту).
14. Лавровский П. А. Коренное значение в названиях родства у славян. Изд. 2. (Серия: Лингвистическое наследие XIX века). М.: Едиториал УРСС, 2005. 144 с.
15. Лакофф Дж. Женщина, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
16. Лангаккер Р. У. Когнитивная грамматика. М.: ИНИОН РАН, 1992. 52 с.
17. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979. 152 с.
18. Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1935. 368 с.
19. Ошанин И. М. Большой китайско-русский словарь (БКРС). М.: Наука, 1983. 3822 с.
20. Русско-кыргызский словарь. Бишкек: AVRASYA PRESS, 2012. Т. 1 – 4. (Национальная академия наук Кыргызской Республики, Ин-т языка и литературы им. Ч. Айтматова).
21. Рюмина-Сыркашева Л. Т., Кучигашева Н. А. Русско-телеутский словарь / Орус-телеутсөзлик. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002.
22. Рюмина-Сыркашева Л. Т., Кучигашева Н. А. Телеут-оруссөзлик / Телеутско-русский словарь. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1995.
23. Сахаров В. П. О родстве и его видах. Екатеринослав: Товарищество “Печатня С. П. Яковлева”, 1899. 167 с.
24. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и тюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
25. Сейдакматов К. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү. Фрунзе: Илим, 1988. 334 с.

26. Тагаев М. Дж. Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков. Бишкек: КРСУ, 2015. 240 с.
27. Токмашев Д. М. Лексика поля «родственные отношения» в языке бачатских телеутов // Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев: Тез. докл. Всероссийской научной конференции, Новосибирск, 27 – 29 сент. 2007 г. Новосибирск: ОИИФиФ СО РАН, 2007. С. 239 – 241.
28. Трубочев О. А. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Академия наук СССР, 1959. 212 с.
29. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. С. 52 – 92.
30. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972. 123 с.
31. Штернбер Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1933. 187 с.
32. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. Кн. 1. 503 с.
33. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. Кн. 2. 474 с.

Информация об авторах:

Араева Людмила Алексеевна – доктор филологических наук профессор, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, araeva@lissn.ru.

Калентьева Лара Сергеевна – магистрант первого курса по направлению «Отечественная филология» факультета филологии и журналистики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово, Россия), lavagrez@gmail.com.

(Научный руководитель – Л. А. Араева).

Кузнецова Виктория Сергеевна – магистрант первого курса по направлению «Фундаментальная и прикладная лингвистика» факультета филологии и журналистики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово, Россия), free-thinker1@mail.ru.

(Научный руководитель – Л. А. Араева).

Тагаев Мамед Джаскынович – доктор филологических наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета (г. Бишкек, Кыргызстан), mamed_tagaev@list.ru.

Статья поступила в редколлегию 16.02.2016 г., принята к печати 06.06.2016 г.

PROPOSITIONAL ORGANIZATION OF THE TERMS

OF IN-LAW RELATIONSHIPS IN THE TELEUT, KIRGHIZ AND CHINESE LANGUAGES

Araeva Ludmila A.^{1,@1,}, Kalentjeva Lara S.^{1,@2,*}, Kuznetsova Victoria S.^{1,@3,*}, Tagaev Mamed J.^{2,@4,*}*

¹ Kemerovo state university

² Kyrgyz-Russian Slavic university (Bishkek city, Kyrgyzstan)

@¹ araeva@lissn.ru

@² lavagrez@gmail.com

@³ free-thinker1@mail.ru.

@⁴ mamed_tagaev@list.ru

* The work was supported by the RFH Grant No. 14-04-00556

Abstract: The paper presents the systems of in-law relationship terms in the Teleut, Kirghiz and Chinese languages. Every system has common propositional structures and different propositions, that indicate ethnic features of the language picture of the world. Social significance and propositional derivational connectivity within the frame of synonyms, polysemy, family of cognate words provide conservation terms of in-law relationships in long-term memory of the nation having no writing.

Keywords: terms of in-law relationships, proposition, propositional structure, language picture of the world, polysemy, propositional derivational synonyms, family of cognate words.

For citation: Araeva L. A., Kalentjeva L. S., Kuznetsova V. S., Tagaev M. J. Propositional organization of the terms of in-law relationships in the Teleuts, Kirghiz and Chinese languages. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 79 – 86.

References

1. Aksakov K. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works by Aksakov K. S.]. Moscow, vol. 1 (1861): 317 – 320.
2. Araeva L. A. Odná iz samykh zagadochnykh sfer iazyka (k voprosu o slovoobrazovatel'no-propozitsional'noi sinonimii) [One of the most intriguing areas of language (the question of word-formation-propositional synonyms)]. *Iazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: K 80-letiiu V. E. Gol'dina* [The language in the space of speech culture: the 80th anniversary of Goldin V. E.]. Moscow-Saratov, 2015, 154 – 164.
3. Araeva L. A., Kalent'eva L. S., Kuznetsova V. S. Propozitsional'noe modelirovanie ierarkhicheski organizovannykh terminov krovnogo rodstva v teleutskom, kirgizskom, kitaiskikh iazykakh [Propositional modeling of

hierarchically organized terms of consanguinity in Teleut, Kyrgyz, Chinese]. *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy iazykoznanii: sbornik nauchnykh statei. Vypusk 3.* [General-theoretical and typological linguistics issues: collection of scientific articles. Issue 3]. Ed. Trofimova U. M. Biisk: FGBOU VPO «AGAO», 2014, 79 – 83.

4. Araeva L. A., Kuznetsova V. S. Iazykovaia kartina mira teleutov (na materiale freima «rodstvennye sviazi») [Teleuts' language picture of the world (based on the "family ties" frame)]. *Malochislennye etnosy v prostranstve dominiruiushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniĭ i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki: Sb. nauch. st. po itogam vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Kemerovo, 17 – 18 okt. 2014 g.)* [The small ethnic groups in the space of the dominant society: the practice of applied research and the effective ethnic policy tools: Coll. Sc. Art. on the basis of the All-Russia with the participation of intern. Sc.-Prac. Conf. (Kemerovo, 17 – 18 October 2014)]. Kemerovo: Praktika, 2014, 430 – 434.

5. Araeva L. A., Tarasova M. N. Rodstvennye sviazi u teleutov [Teleuts Kinship]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, no. 3(24) (2013): 184 – 193.

6. Bulgakova O. A. Osobennosti mnogoznachnogo slova v teleutskom iazyke. [Features of an ambiguous word in the Teleut language]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 4, no. 4 (2015): 52 – 55.

7. Golev N. D. Derivatsiia i motivatsiia kak formy oiazykovlennoi determinatsii [Derivation and motivation as a form of linguistic determination]. *Ocherki po lingvisticheskoi determinologii i derivatologii russkogo iazyka* [Essays on linguistic determinology and derivatology Russian language]. Barnaul, 1988, 65 – 84.

8. Golev N. D. *Dinamicheskii aspekt leksicheskoi motivatsii* [The dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1989.

9. Humboldt V. fon. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu* [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress, 1984.

10. Dul'zon A. P. Terminy rodstva i svoistv eniseiskikh ketov [Kinship and property terms of the Yenisei Kets]. *Sovetskaia etnografiia – Soviet Ethnography*, no. 6 (1959): 96 – 97.

11. Kasymaliev B.Zh. *Iazyk i simbolika natsional'nykh traditsii / Kyrgyzsko-russkii tematicheskii slovar' obychaev i traditsii kyrgyzskogo naroda* [The language and symbols of national traditions / Kyrgyz-Russian thematic dictionary of customs and traditions of the Kyrgyz people]. Bishkek: Turar, 2009.

12. Kriukov M. V. *Sistema rodstva kitaitsev (evoliutsiia i zakonomernosti)* [Chinese kinship system (evolution and patterns)]. Moscow: Nauka, 1972, 328.

13. *Kyrgyz tilinin sozdygy* [Kyrgyz-Russian online dictionary]. Bishkek: AVRASYA PRESS, 2010. Vol. 1 – 2.

14. Lavrovskii P. A. *Korennoe znachenie v nazvaniiaakh rodstva u slavian* [Fundamental importance in the names of relatives of the Slavs]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2005.

15. Lakoff G. Zhenshchina, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii iazyka govoriat nam o myshlenii [Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004.

16. Langacker R. U. *Kognitivnaia grammatika* [Cognitive Grammar.]. Moscow: INION RAN, 1992, 52.

17. Minskii M. *Freimy dlia predstavleniia znanii* [Frames for knowledge representation]. Moscow, 1979.

18. Morgan L. G. *Drevnee obshchestvo, ili Issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii* [Ancient Society, or the study of lines of human progress from savagery through barbarism to civilization]. Leningrad: Izdatel'stvo instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1935.

19. Oshanin I. M. *Bol'shoi kitaiko-russkii slovar' (BKRS)* [Big Chinese-Russian Dictionary]. Moscow: Nauka, 1983.

20. *Russko-kyrgyzskii slovar'* [Russian-Kyrgyz dictionary]. Bishkek: AVRASYA PRESS, 2012. Vol. 1 – 4.

21. Riumina-Syrkasheva L. T., Kuchigasheva N. A. *Russko-teleutskii slovar'* [Russian-Teleut Dictionary]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002.

22. Riumina-Syrkasheva L. T., Kuchigasheva N. A. *Teleut-orussözlik* [Teleut-Russian dictionary]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995.

23. Sakharov V. P. *O rodstve i ego vidakh* [Kinship and its forms.]. Ekaterinoslav: Tovarishchestvo “Pechatnia S. P. Iakovleva”, 1899.

24. Sevortian E. V. *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov (obshchetiurkskie i tiurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common Turkic and Turkic foundations in vowels)]. Moscow: Nauka, 1974. 767.

25. Seidakmatov K. *Kyrgyz tilinin kyskacha etimologiialyk sozdygy*. Frunze: Ilim, 1988.

26. Tagaev M.Dzh. *Dialog iazykov i kul'tur (na materiale funktsionirovaniia i vzaimodeistviia kul'turno-iazykovykh prostranstv kirgizskogo i russkogo iazykov)* [Dialogue of languages and cultures (based on the operation and interaction of cultural and linguistic spaces Kyrgyz and Russian languages)]. Bishkek: KRSU, 2015.

27. Tokmashev D. M. Leksika polia «rodstvennye otnosheniia» v iazyke bachatskikh teleutov [Vocabulary field “family relationship” in the language of Bachat Teleuts]. *Podvizhniki sibirskoi filologii: V. A. Avrorin, E. I. Ubriatova, V. M. Nadeliaev: Tez. dokl. Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Devotees of Siberian Philology: V. A. Avrorin, E. I. Ubriatova, V. M. Nadelyaev: Proc. rep. All-Russian Sc. Conf. Novosibirsk, 27 – 29 September 2007]. Novosibirsk: OIIFiF SO RAN, 2007, 239 – 241.

28. Trubachev O. A. *Istoriia slavianskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroia* [History of Slavic kinship terms and some of the oldest terms of the social system]. Moscow: Akademiia nauk SSSR, 1959, 212.

29. Fillmore Ch. Freimy i semantika ponimaniia [Frames and semantic understanding]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow: Progress, 1988, 52 – 92.
30. Chomsky N. *Iazyk i myshlenie* [Language and thinking]. Moscow.: Izd-vo MGU, 1972.
31. Shtember L. Ia. *Sem'ia i rod u narodov Severo-Vostochnoi Azii* [Family and kin of the peoples of NorthEast Asia]. Leningrad: Izdatel'stvo instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1933.
32. Iudakhin K. K. *Kirgizsko-russkii slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, Book 1 (1965): 503.
33. Iudakhin K. K. *Kirgizsko-russkii slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, Book 2 (1985): 474.

Received 16.02.2016, accepted 06.06.2016.